

УДК 821.111

**КОНЦЕПЦИЯ МИФА В ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ
ВОЗЗРЕНИЯХ К.С. ЛЬЮИСА**

© 2012 г.

А.С. Матвеева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

anna-s-matveeva@rambler.ru

Поступила в редакцию 09.12.2011

Анализируются этико-эстетические взгляды и концепция мифа английского писателя и ученого Клайва Стейплса Льюиса. Особое внимание уделяется вопросу соотношения христианства и языческой мифологии.

Ключевые слова: миф, слово, христианство, аллегория, истина.

Концепция мифа К.С. Льюиса отражена в нескольких его произведениях: «Кружной путь, или Блуждания паломника» (*The Pilgrim's Regress*, 1933), «Миф становится фактом» (*Myth became fact*, 1944), «Bluspels and Flalanspheres: семантический кошмар» (*Bluspels and Flalanspheres: A Semantic Nightmare*, 1949).

Понимание мифа для Льюиса имело особое значение, ведь именно через миф он пришел к христианству. Писатель, воспитанный в духе ирландского протестантизма, в ранней юности утратил веру в Бога, его больше привлекали языческие пантеоны (особенно скандинавский), но к 1926 году Льюис начал понимать, что его поиски Радости – не что иное, как поиски Бога. На этом переходном этапе он и познакомился с Толкином, который помог ему понять и принять христианство. Как писала Кэтрин Энн Лидскуг в своей книге «Удивлена К.С. Льюисом, Джорджем Макдональдом и Данте» (*Kathryn Ann Lindskoog. Surprised by C.S. Lewis, George MacDonald & Dante*, 2001), жизнь Льюиса была поиском Радости, и основной темой всех его произведений были эти поиски [1].

В письме к Артуру Гривзу в 1916 году Льюис писал: «Знаешь, я думаю, что я не верю в религию. Нет никаких доказательств подлинности ни одной из них, и с философской точки зрения христианство – даже не лучшее. Все религии, или все мифологии, если называть вещи своими именами, всего лишь изобретение человечества: Христос – тот же Локи» (перевод наш. – *А.М.*) [2, с. 135]. Льюис считал, что религия развивалась из представления первобытного человека о страшных необъяснимых явлениях, которыми он был окружен. В языческих мифологиях выдающийся человек часто становился богом, как, например, Геракл и Один. Также и в

христианстве: после смерти еврейского философа Иешуа стали считать Богом, и его философия превратилась в культ. Таким образом, по мнению Льюиса, христианство – всего лишь одна из многочисленных мифологий. «Конечно, – продолжает Льюис в своем письме, – я не утверждаю, что за пределами материального мира ничего нет; учитывая современные исследования, это было бы глупо. Существовать может все, что угодно» (перевод наш. – *А.М.*) [2, с. 136].

Через некоторое время Льюис начал разочаровываться в скандинавской мифологии, хотя, по его собственному признанию, долго не мог этого осознать – помогла ему книга Джорджа Макдональда «Фантастес» (*Phantastes*, 1858). Макдональд, по словам Льюиса, окрестил его воображение, но до принятия христианства было еще далеко. Пока новую философию писателя можно назвать своеобразной модификацией философии Абсолютной идеи Гегеля. Абсолют в понимании Льюиса был очень близок к общепринятому пониманию Бога с той разницей, что в Абсолюте не было идеи подчинения и страха, и он не имел конкретного воплощения.

Однажды, когда Льюис уже был оксфордским преподавателем и другом Толкина, он отчетливо осознал, что находится перед выбором: ему представилась закрытая дверь, которую он может открыть, если захочет. Льюис захотел открыть эту дверь – и его отрицание существования воплощенного Бога начало разрушаться. «Представьте меня в комнате Модлин-Колледжа, ночь за ночью, даже на секунду отвлекаясь от работы, чувствующего постоянное безжалостное приближение Того, кого я бы очень не хотел встретить. То, чего я страшно боялся, в конце концов, меня настигло. В летнем семест-

ре 1929 года я сдался и признал, что Бог есть Бог, и преклонил колени и молился. Возможно, эта ночь – самое печальное и вынужденное обращение в веру во всей Англии» (перевод наш. – А.М.) [3, с. 87].

Но в то время Льюис еще не был христианином: он не мог понять, какую функцию в христианстве выполняет Иисус Христос: «уразуметь, как и чем жизнь и смерть Кого-то Другого (кто бы ни был этот другой), жившего две тысячи лет тому назад, могла помочь нам здесь и сейчас – разве что его примером» [4, с. 165].

Прошло еще два года, прежде чем вера в Бога вообще стала верой во Христа: в 1931 году и снова Артуру Гривзу Льюис писал, что стал христианином. Как мы уже упоминали, этому во многом способствовало общение с Толкином и Дайсоном, убежденными католиками. Памятный разговор ночью 19 сентября 1931 года стал основой поэмы Толкина «Мифопейя» (в переводе с греческого – «творение мифов»), посвященной Льюису. В ней писатель говорит о том, что дерево называется деревом, а звезда – звездой, потому что когда-то человека дал им эти имена. «Давая вещам названия и описывая их, ты всего лишь выдумываешь собственные термины для этих вещей. Так вот, подобно тому, как речь – это то, что мы выдумали о предметах и идеях, точно так же миф – это то, что мы выдумали об истине. Мы – от господ, и потому, хотя мифы, сотканные нами, неизбежно содержат заблуждения, они в то же время отражают преломленный луч истинного света, извечной истины, пребывающей с Господом» [4, с. 167]. Этот разговор помог Льюису понять Воскресение как историческое воплощение мифа об умирающем и воскресающем Боге, присутствующего во многих культурах.

На формирование философии писателя повлияли также идеи Оуэна Барфилда. Одна из них – воображение как способ постижения истины – помогла писателю принять христианство. Позже Льюис определит воображение как Дар Всевышнего, способный помочь более полно постигнуть истину и суть христианства.

Однако, против ожиданий Толкина и Дайсона, убежденных католиков, Льюис решил вернуться к вере своего детства – протестантизму. Этот факт сыграл определенную роль в том, что Толкин и Льюис постепенно начали отдаляться друг от друга. Толкин, поддержав аллегория с дверью, замечал, что Льюис, вместо того чтобы пойти дальше, предпочел вернуться в ту дверь, которую он когда-то захлопнул.

Концепция мифа Льюиса несет на себе глубокий отпечаток христианства. Вслед за Толки-

ном Льюис также высказывал мысль о том, что миф – это реальный, но нефокусируемый ответ Божией правды в человеческом воображении. «The heart of Christianity is a myth, which is also a fact». «Сердце христианства – миф, который в то же время является фактом» (перевод наш. – А.М.) [5, с. 66]. Писатель полагал, что различие христианского мифа и языческого состоит только в том, что в языческих мифах Бог выражает себя через воображение поэтов, творцов легенд, а в христианстве Он выражает себя через реально произошедшие события. Таким образом, языческая мифология – это своеобразная подготовка к появлению Евангелия.

Постепенно писатель пришел к пониманию важной особенности мифа: он необычайно глубок и полон смысла, но, несмотря на это, невозможно простыми словами сказать, что он означает. Миф, по его мнению, – это образное выражение самого глубокого, скрытого смысла жизни. Скрытого до такой степени, что он становится иллюзорным, когда кто-нибудь пытается выразить его в слове. Очевидно, на Льюиса большое влияние оказала концепция Шеллинга, который писал о мифе: «Значение здесь совпадает с самим бытием, оно переходит в предмет, составляет с ним единство. Как только мы заставляем эти существа нечто обозначать, они уже сами по себе перестают быть» [6, с. 111]. Миф вообще не может существовать в конкретном слове. Для человека важно именно то, о чем в нем рассказывается, а не то, какими словами или в чьей версии, он представлен. Если в поэзии слова – это тело, а смысл – это душа стихотворения, то в мифологии все иначе: воображаемые события – это тело мифа, а душу мы вовсе не можем выразить. Слова же (и изобразительные образы – картины, фрески и т.д.) – «[...] are not even clothes—they are not much more than a telephone» – «это даже не одежда, они имеют не больше значения, чем телефон» [6, с. xxxvii].

В эссе «Миф становится фактом» (Myth became fact, 1944) Льюис развивает интересную мысль: человеческое познание очень ограничено. Мы не можем исследовать какое-либо ощущение, например, боль и переживать его одновременно, так как, начиная размышлять о боли, мы немедленно абстрагируемся, и конкретное ощущение перестает быть нашим ощущением – оно становится просто примером, иллюстрирующим понятие боли. Точно так же, если мы сосредоточимся на ощущении, которое испытываем в данный момент, мы не сможем исследовать его. «Вот она, наша дилемма: испытывать, но не знать, или знать но не испытывать. Или, если говорить более стро-

го, нам не хватает определенного вида знаний, потому что мы не можем приблизиться к нему. Как мыслители мы отрезаны от того, о чем мы думаем, а когда мы пробуем, прикасаемся, желаем, живем, ненавидим – мы не полностью понимаем то, что испытываем» (перевод наш. – А.М.) [5, с. 65].

Но из этого, казалось бы, неразрешимого противоречия есть выход: миф. Льюис утверждает, что, наслаждаясь великим мифом, мы приближаемся к пониманию того, что иначе могло бы быть понято только абстрактно. В качестве иллюстрации он приводит миф об Орфее и Эвридике: Орфей чувствует, что Эвридика рядом, он хочет обернуться, чтобы увидеть свою возлюбленную, но когда он делает это – Эвридика исчезает. Но если мы начнем задумываться над этим толкованием мифа – он неизбежно превратится в аллегория, будет испытывать на себе влияние определенной человеческой личности. Здесь можно увидеть влияние на Льюиса идей Толкина и Шеллинга, о которых говорилось выше. Чтобы приблизиться к разрешению дилеммы, мы должны воспринимать миф непосредственно, как историю. И в процессе этого непосредственного восприятия, не задумываясь над скрытым смыслом, мы будем чувствовать и знать то, что мы чувствуем.

Важно обратить внимание, на следующее высказывание Льюиса: «What flows into you from the myth is not truth but reality (truth is always about something, but reality is that about which truth is), and, therefore, every myth becomes the father of innumerable truths on the abstract level». «То, что исходит из мифа – не истина, но реальность (истина всегда сообщает о чем-то, а реальность – это именно то, о чем, в конечном счете, говорит истина), и поэтому каждый миф рождает бесчисленное число истин на абстрактном уровне» (перевод наш. – А.М.) [5, с. 66]. Миф, таким образом, является проводником между миром мысли и человеческим миром, он объединяет в себе все истины. Миф – это особое состояние: он не является абстрактным, как истина, и в то же время не является конкретным – как человеческий опыт. И именно поэтому миф может найти путь к любому человеку,

именно поэтому он способен наиболее полно отражать реальность.

В эссе «Bluspels and Flalanspheres: семантический кошмар» (Bluspels and Flalanspheres: A Semantic Nightmare, 1949) Льюис пишет, что значение появляется и выражается через воображение. А поскольку миф – это пища для воображения, можно сделать вывод, что миф также является проводником значения. Здесь можно увидеть отражение антропософских идей, воспринятых Льюисом от Оуэна Барфилда, который полагал, что исследователи и ученые не могут приблизиться к верному пониманию мифа, потому что пытаются постигнуть его разумом, тогда как для этого нужно использовать воображение.

Принимая во внимание мифологическую концепцию Льюиса, в которой тесно переплетаются миф и христианство, мы можем глубже понять особенности его мифотворчества, где языческие и христианские мотивы переплетаются так же тесно.

Если вспомнить долгий путь К.С. Льюиса к христианству, основанный, по его собственным словам, на узнавании христианских мотивов в мифологии, то становится понятным значение христианских аллюзий в «Хрониках Нарнии», где одной из основополагающих идей является узнавание истинного Бога в разных обликах и под разными именами.

Список литературы

1. Lindskoog K.A. Surprised by C.S. Lewis, George MacDonald & Dante. Macon, Ga.: Mercer University Press, 2001. 221 p.
2. They Stand Together: The Letters of C.S. Lewis to Arthur Greeves (1914-1963) / ed W. Hooper. Michigan: Collins, 1979. 592 p.
3. Lewis C.S. Surprised by Joy: The Shape of My Early Life. Lnd.: Bles, 1955. 238 p.
4. Карпентер Х. Дж. Р. Р. Толкин. Биография. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 432 с.
5. Lewis C.S. God in the Dock: Essays on Theology and Ethics/ ed. By Walter Hooper. Wm.: B. Eerdmans Publishing, 1994. 346 p.
6. Шеллинг Ф. В. И. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. 496 с.
7. «Preface», to George MacDonald, An Anthology: 365 Readings. San Francisco: Harper, 2001. 157 p.

THE CONCEPT OF MYTH IN ETHICAL AND AESTHETIC VIEWS OF C. S. LEWIS

A.S. Matveeva

The article examines ethical and aesthetic views and the concept of myth of the English writer and scholar Clive Staples Lewis. Particular attention is paid to the relationship of Christianity and pagan mythology.

Keywords: myth, word, Christianity, allegory, truth.